

Сов. чер. 119-2310-34

„ДАМА С КАМЕЛИЯМИ“

СПЕКТАКЛЬ КРИТИКА

ПО ПОВОДУ „ДАМЫ С КАМЕЛИЯМИ“

Рис. В. АЛФЕЕВСКОГО

Райх — Маргерит, Царев — Арман

Месяц, прошедший со дня постановки «Дамы с камелиями» в театре им. Мейерхольда, дает возможность высказаться не только о самой постановке, но и о ее критике. Работы Мейерхольда всегда вызывают горячие споры и крайне противоречивые оценки. То же самое происходит и теперь, после «Дамы с камелиями». Но в нынешних откликах на мейерхольдовскую премьеру есть одна своеобразная черта. Совершенно неожиданно ряд устных и печатных высказываний направлен против пьесы, который якобы обнаружил Мейерхольд в классическом наследии в лице Дюма-фиса. Неужели это тот самый буйный Мейерхольд, который не считался ни с какими авторитетами, который переламывал классические произведения в целях их революционизирования? Любопытнее всего, что с претензиями на слишком уважительное отношение Мейерхольда к классике выступают часто те самые товарищи, которые не в далеком прошлом упрекали его в нигилизме. Те же самые, которые в свое время утверждали, что «Ревизор» — реакционный, мистический спектакль, сейчас ставят его в пример... «Даме с камелиями».

Иные критики предъявляют к Мейерхольду и вовсе странные требования. Например, Вишневский выразил желание (см. «Литературная газета»), чтобы в «Даме с камелиями» была показана Парижская коммуна. Это желание и неумеренное и упрощенское (кстати, к сведению т. Вишневского, посвятившего часть своей статьи упрекам Мейерхольду за то, что тот не «обыграл» в «Даме с камелиями» игорного дома, сообщаем — никакого игорного дома ни в пьесе, ни в спектакле в «Даме с камелиями» нет).

Если ставиться от ряда упрощенческих и неточных утверждений и требований некоторых рецензий, как, например, о Парижской коммуне, об игорном доме, о Третьей империи, дух которой Мейерхольд якобы плохо выразил (опять-таки, к сведению писавших о Третьей империи, — никакой Третьей империи во Франции не было), то все высказывания критики «Дамы с камелиями» можно свести к одному: Мейерхольд не оправдал звания революционного мастера.

Творческий путь Мейерхольда чужд, как у всякого гениального мастера, который не застывает на месте, а все время ищет все новых и новых форм сценической выразительности. Однако и в этом неровном, скачкообразном пути не трудно заметить совершенно четко выраженное стремление мастера освободиться от самодовлеющего режиссерского изобретательства и формализма и прочно утвердиться на реалистическом пути. «Дама с камелиями» прежде всего глубоко реалистический спектакль, спектакль, где Мейерхольд отказался от целого ряда левовских излишеств, свойственных ему по другим работам, в том числе и классическим. В «Даме с камелиями» нет и тени кабы то ни было шуткачества и трюкачества. Строго реалистическая линия в творчестве Мейерхольда начинается со «Вступления». В «Даме с камелиями» мейерхольдовский реализм находит наиболее полное выражение. Из пафлетиста Мейерхольд превращается в реалистического художника сцены. Сценическая публицистика уступает место психологическому рассказу. Оголенные беспредметные конструкции уступают место реальному миру вещей и реальной обстановке.

Однако самые большие возражения вызывают упреки Мейерхольду в недостаточно решительном, недостаточно критическом обращении его с Дюма. Не подлежит никакому сомнению (и едва ли в этом сомневаются и критики Мейерхольда), что если бы он пожелал, то мог бы как угодно «социально» заострить «Даму с камелиями», произвольно монтируя текст, приспосабливая его и наживая падали гротеска и шаржа. Мейерхольд сознательно не пошел по этому пути и сделал совершенно правильно. Материал Дюма не вынес бы такой режиссерской нагрузки, такого активного драматургического вмешательства, как, например, в «Лесе» Островского или даже в «Ревизоре» и «Свадьбе Кречинского». «Дама с камелиями» не медленно превратилась бы в самую что ни на есть вилликуистую пародию, в спектакль явно кривозеркального типа. «Дама с камелиями» можно или не ставить вовсе, а если ставить, то как театрально-художественный документ эпохи.

Неверно, конечно, что спектакль «Дама с камелиями» социально никак не звучит в наши дни. Социальная значимость «Дамы с камелиями» при всей слабости этой пьесы несколько не ниже, чем социальное значение «Стакана воды» и «Адри-

енны Лекуверр» Скриба. «Дама с камелиями» — слезливая мелодрама, вызывающая к буржуазной морали во имя ее утверждения. Не делая никакого «революционного» насилие над пьесой, Мейерхольд тем не менее умелой и тонкой акцентировкой образов, виртуозными мизансценами, оформлением, светом, всеми сценическими средствами раскрывает тему обреченности Маргерит Готье в буржуазном обществе. Это впечатление одиночества ярко подчеркивается пышным золотым миром вещей, среди которых мечется, не видя выхода, Маргерит Готье. Ибо она в конечном счете тоже одна из вещей, одна из принадлежностей этого растленного мира. Тема Маргерит, как ее показывает Мейерхольд, — тема судьбы женщины, живущей в душной атмосфере буржуазных законов и морали, доходит до зрителя полностью. Навряд ли было бы думать, а тем паче писать, что якобы недостаточная социальная заостренность отрицательных персонажей может заставить нашего зрителя относиться к ним положительно или с сочувствием. Наоборот, реалистическая трактовка отрицательных персонажей только усиливает отрицательное к ним отношение.

Разумеется, было бы несравненно лучше, и это мы должны сказать Мейерхольду со всей решительностью, если бы мастер нашел более достойный объект для приложения своих творческих сил, нежели «Дама с камелиями». Это особенно нужно сказать сейчас, когда в репертуаре последних лет у Мейерхольда нет ни одной новой, современной постановки. Но это не дает нам права отмахиваться общими словами и фразами о «несоответственности», «порочности» от огромной театральной работы, проделанной Мейерхольдом. Об этой работе тем более нужно говорить, что революционность мейерхольдовского творчества заключается не только в репертуаре, но и способах сценической трактовки произведений.

Мейерхольду принадлежат исключительные заслуги политической активизации репертуара советского театра в самые первые годы его существования, когда революционная пьеса на советской сцене была редкой гостьей. Мейерхольд сумел целиком подчинить интересы театра задачам политической борьбы. Но Мейерхольд выступал как революционер не только тогда, когда он ставил актуальные пьесы, но и тогда, когда он на материале несовершенном, большей частью классическом, иногда даже слабым показывал блестящие образцы разнообразнейшего сценического мастерства. Это мастерство обогащало и обогащает советскую театральную культуру новыми приемами и средствами трактовки драматургических произведений и воздействия на зрителя. В этом смысле «Дама с камелиями» бесспорно новый вклад в культуру советского театра. И сторонники и противники этого спектакля, и скептики, и доброжелатели из числа театральных деятелей несомненно в будущем «критически осмоят» многие из режиссерских находок Мейерхольда в «Даме с камелиями».

«Дама с камелиями» — яркий, живописный спектакль. Лет 7—8 назад такой спектакль впал бы несомненно в резкий диссонанс с окружающей театральной действительностью, сценическим стилем большинства наших театров, которые не освободились еще от однотонной и серой конструктивности, художественного пуританизма, присущих искусству периода военного коммунизма. В те времена на наших подмостках преобладали геометрические формы, серые архитектурные конструкции, всевозможные станки и площадки, призванные символизировать «индустриальный дух» нашей страны. Самое слово «красота» было изгнано из лексикона аскетически настроенной критики. Такого рода левовско-леванские загибы были присущи не только театру, но и другим искусствам, в частности архитектуре. Сейчас, когда мы строим красивые дома, красиво оформляем наши площади и улицы, когда мы вводим элементы искусства в оформление наших заводов и крупных строителей (например, Челябинский тракторный завод, Днепротрест), когда вся страна, как никогда, живет полной, радостной, яркой, многогранной жизнью, — яркая расцветка, изящество, стройная композиция «Дамы с камелиями» отнюдь не мешанская красота, а подлинная красота, нужная искусству нашей эпохи.

Спектакль «Дама с камелиями» пронизан большими страстями, большими лирическими чувствами. Этика может и должна найти отклик в зрительном зале. Ее воспитательное значение независимо от пьесы Дюма, совершенно бесспорно.

Новая работа Мейерхольда представляет собой отличный пример гармонического сочетания точного, почти научного расчета с большой эмоциональностью. Выверен каждый актерский шаг, каждый актерский жест, в расчет взят каждый квадрат сценической площадки, но это не алгебраические схемы, не голая режиссерская математика. Это только крепкий костяк, который с каждой мизансценой, с каждой новой краской, с каждым изменением света и цвета обрастает подлинно художественной плотью и кровью. Понятнее Мейерхольд в этом спектакле, как пушкинский Сальери, «поверил алгеброй гармонию»!

Редко за последнее время пришлось видеть спектакль такой композиционной стройности, целостности и безукоризненной чистоты, как «Дама с камелиями». Как нигде, в этой работе ярко развернулась присущая Мейерхольду музыкальная ритмичность всех частей спектакля. По мастерству, по тонкому чувству стилистических особенностей эпохи, по яркой, но не кричащей гамме красок, — спектакль «Дама с камелиями» напоминает одну из лучших работ Мейерхольда — «Маскарад».

В центральной роли Маргерит Готье — Зинаида Райх. Совершенно излишне по этому поводу вспоминать и Эдмунду Дузе и Сару Бернар. Оставим это старым меломанам и ревнителям театральных мемуаров. Тем более, что при жизни Сары Бернар ее исполнение «Дамы с камелиями» подвергалось часто весьма противоречивым оценкам и не только восторженным. Зинаида Райх строит образ Маргерит Готье, как актриса советского театра, чувствующая не только моральный гнет среды, но и ее социальную атмосферу, пропитанную ложью и лицемерием. Маргерит Готье — Райх — образ женщины, раздавленной социальными условиями, образ в одинаковой мере и лирический и трагический. Это большой рост актрисы. На более низком уровне находится исполнение других актеров. Выразительно, в благородном тоне ведет свою роль новый в театре Мейерхольда актер Царев. Запоминается Садовский и Ремизова.

Недостатком спектакля бесспорно является некая идеализация образа Армана, неоправданная какими-либо романтическими соображениями. Совершенно напрасно также Мейерхольд включил в спектакль куски из Флобера и Бальзака. Они неорганичны для пьесы и звучат фальшиво. Фальшиво и нарочито выглядит и фигура Кокаро, введенная Мейерхольдом. В спектакле имеется и ряд технических недостатков, мешающих полноте восприятия, но вполне объяснимых невероятными условиями сценической коробки. Можно только удивляться тому, что Мейерхольд создал такой сложный спектакль на такой ужасной сцене.

«Дама с камелиями» — несомненно важный этап в творческой жизни театра Мейерхольда. Он как бы синтез — Мейерхольда старого и Мейерхольда нового. Мастерство революционного театра, режиссерское новаторство и находки обогащены в этом спектакле всем разнообразием приемов старой театральной культуры, старого мейерхольдовского, традиционного мастерства. В результате получился реалистический спектакль, в одинаковой мере чуждый бытовой эмпирики, формализма и серого конструктивного схематизма. Реализм Мейерхольда в «Даме с камелиями» — не плоскостной, не передвижнически-правдоподобный, а включает в себе огромное разнообразие театральных тонов и оттенков, делающих его многогранным и объемным. «Дама с камелиями» — мастерство зрелое и обильное. Оно может деградировать, если целиком будет обращено в прошлое. Оно будет крепнуть и расти на материале сегодняшнего дня. Мастерство Мейерхольда ждет своего блестящего применения на образцах советской драматургии.

УРИЭЛЬ